

1
Мои родители Лянглебен Вольф Аронович
(1884 г. рож.) и Лянглебен (Левартовская)
Рива Евсеевна оба родились в Варшаве.
Познакомились они в г. Росшова 4/2, куда
разными путями добрались из Варшавы
во время Первой мировой войны
в 1917 г. Там женившись, они переехали
в Москву, где у них в 1921 г. родился
мой старший брат Лянглебен Эвсей
Вольфович. В 1924 году родители
с моим братом переехали в Белоруссию,
в г. Кимловицы. Там в 1925 году
родился я, Лянглебен Моисей Вольфович.
Из Кимловиц в 1927 г. наша семья
переселилась в г. Могилев, где отцу
получили работу бухгалтера.
В Могилеве мы прожили до июля
1941 г.

Мой брат Эвсей после окончания в
1940 средней школы №1 поступил в
Московское военное авиационное училище
связи. В начале войны их курс был
отправлен на фронт, где мой брат
пробыл до конца войны, а затем
направлен на учебу в Военно-Воздушную
Академию им. Туховского в Москве.
После окончания Академии он слу-
жил в Военно-Воздушных силах в Дальней
авиации (или авиации дальнего действия)
инженером по электроспецоборудованию
самолетов. Служил он на Дальнем

Востоке, в Казахстане и в Белоруссии. В звании подполковника в 1971 году уволился в запас. После этого он проработал в качестве инженера в Лесоторжке Гос. Политехнического музея в Москве до 1988 года, а в 1989 году он с семьей эмигрировал в США. В 1995 Евсей Владимирович Лянглебен умер и похоронен в г. Тикаго.

Я учился в той же школе №1 Могилев. В том же классе учились и Исаак Толмачук, живущий сейчас в США, а также Михаил Цубин и Наум Туктин, живущие сейчас в Израиле. ~~Мои~~ (Сведения о себе они вам послали)

В 1940 г. я поступил в Московское художественное училище имени 1905 г. Перед войной вернулся в Могилев. Ну а 22 июня 1941 г. мы услышали о начале войны.

Хорошо помню ситуацию в Могилеве в июне и начале июля 1941 г. По сути, всякое руководство с семьей покинули. Народ (в основном) евреи) были растеряны. Большевикская из старшего поколения полными немцев по первой мировой войне, когда немцы оккупировали западную часть России.

Немцы тогда вели себя вполне цивилизованно. Поэтому многие считали, что немцам понравится наше новое время. Другие колебались.

Вскоре в Могиле появились
бегущие - евреи из Польши.

Полностью одного из них, обходящего
дворы и кричащего на иврит:

"Евреи, бегите - немцы убивают
евреев!"

И всё-таки очень много осталось
и пошла.

Мой отец твердо решил, что надо
уезжать. Правда, мы были уверены,
что уедем ненадолго, что обстановка
на дровах изменится, и мы сможем
вернуться.

Никакой эвакуации населения не было.
Могиле было, она была на крупных
предприятиях. Наверное.

Были разговоры, что она хотела
какой-то рейс поездом с товарными
и пассажирскими вагонами.

Мы уехали с тресковой попутки.

Сначала отец сказал, что утром
3-го июля можно будет уехать на автобусе
того предприятия, где отец работал,
но когда мы утром туда пришли, оказалось -
автобус ушел ночью.

На следующий день мы отправились на
вокзал. По дороге на вокзал видели
брошенные самолеты и танки. Путь был
загроможден народом. ~~На~~ На пути стояли
эшелон из товарных вагонов и (в основном)
открытых платформ. Они были полны,
но люди с переполненных вагонов
направились, пытаясь залезть на перепол-

немские плашгорды. И тут мы увидели трех военных - командира и двух солдат с винтовками. Они ресистовали людей, влезли на плашгорду, бились к нам и ситами с нее сбрасывали мутьки. Командир закричал: "Вам нравится советская власть - так защищайте ее!" Как эти пошлые, в основном, люди могли защищать власть, если в городе уже отсутствовала организация. Силое невообразимой муи какой-то мутьки ушоме, гитоби ему позволим передать оставшейся на плашгорде семье документы и деньги - его не слушали и отталкивали. Вдруг раздался грохот взрыва - рядом со станицей взорвалась бомба, сброшенная с немецкого бомбардировщика - город уже несколько дней бомбили, но не очень часто. Эшелон ушел, мы вернулись домой. На следующий день нам удалось сесть и даже в пассажирский вагон.

А соседи наши по танку в нашей доме остались и были уничтожены. Мы вместе с другими средними - уничтожены вошедшими в город немцами. За одной стеной жили пошлая пара Романовских с Невесткой и внуком 4-5 лет. Оба их сына были в армии. Абрам и Яков в это время были в армии.

Все они были уничтожены

Абрама погиб, а Яков прошел всю войну с музыкальным взводом, демобилизовавшись тем же днём, в 1952 году жена его Поля родила сына Лёву. Яма играл в разных московских эстрадных оркестрах, в частности, у Эммы Горюца.

За другой стеной нашей могиловской квартиры жила другая могиловская пара Клебановы. Когда немцы были уже близко от Могилова их взял к себе столбший с туберкулезом в Луполово их племянник военврач.

У Клебановых через войну уцелел в Москве сын Лёва.

После войны он разыскал нас в Москве, надель, что мы что-нибудь знаем о судьбе его родителей.

А поезд, в котором удалось семье моих родителей и мне, увёз нас из Могилова в Тамбовскую обл.

Там мы работали в колхозе, потом была Пенза, где я поступил в художественное училище и мог жить в общежитии. Но родители нигде не могли устроиться, не имея документов об эвакуации. И снова Эшелон, который больше месяца тащился среди степей в Ферганскую обл.

В Ферганской обл. мы стали
 работать в колхозе, потом я устроился
 на работу в клуб ~~статского~~ целлюлозного
 в поселке Кува-Сай, и мы туда
 перебрались. Вскоре отец нашел работу
 бухгалтера в голово-разв. партии,
 но проработал недолго, т.к. заболел ^{Брюшным} ^{Тифом}
 и попал в больницу. А в марте 1942 года
 отец умер. Меня взяли работать
 в ту же голово-разв. партию.

Осенью я уехал сдавать внешние
 экзамены в средн. художес. школу
 школу при Ленинградск. Академии
 художеств, которая ~~была~~
 была эвакуирована в Самарканд.
 Был принят, учился, а в 1943 г.
 меня призвали в армию. Я окончил
 военно-химическое училище и до
 конца 1945 года служил в войсках
 химической защиты. В конце 1945 г.
 деобмилитаризовался, съездил в Кува-
 Сай за матерью. А брат Эвсей в
 1946 г. был принят в Академию им. Мухоморова.
 Я выдержал конкурс в Московский гос.
 художес. высш. институт, который
 окончил в 1952 г. В том же году
 мои работы экспонировались на
 Всесоюзной художес. выставке
 в Третьяковской галерее. После этого
 я был принят в 1953 г. кандидатом

7
в члены Московского союза художников.
С 1955 г. член Московского союза художников, а после образования в 1957 году
союза художников СССР - член этого
союза. В моей работе - в прилагательной
считайте из каталога выставки 1987 г.

В 1991 году эмигрировал в США.

Сейчас живу в г. Чикаго.

Здесь же живет мой сын Дмитрий
с женой и двумя детьми - моими
внуками.

Возвращаясь мысленно ко времени
1941 г. в Москве, хочу вспомнить
добрым словом начальника шокерского
лагеря Тузикова, имя которого
я, к сожалению, не помню.

В мае 1941 года он мне заказал
изготовлении одорических шокерского
лагеря. Я работу выполнил, и
хотя в связи с началом войны
шокерский лагерь не был открыт,
Тузиков привез мне домой деньги
за выполненной заказ. Эти деньги
помогли нашей семье выдержать
дорогу в Среднюю Азию и пройти
митарства.

Чикаго 13 дек. 2004 г.

Ан М. Яннебен

P.S. В большинстве публикаций я -
Михаил.